

ОППОЗИЦИЯ «УМНЫЙ – ГЛУПЫЙ» В СТРУКТУРЕ ВТОРИЧНЫХ СУБСТАНТИВНЫХ НОМИНАЦИЙ

Исследования, связанные с изучением ментальных способностей человека, природы человеческого разума, в начале XXI века становятся одними из центральных, что обусловлено прежде всего развитием антропоцентрического подхода к языковым явлениям. В многочисленных работах внимание акцентируется на взаимосвязи и взаимовлиянии языка и мышления человека, его сознания и духовно-практической деятельности, на отражении в языке мыслительных процессов и состояний. Совокупность слов, выражений, понятий и концептов, которые относятся к мышлению, некоторые ученые называют «ментальным языком», или «языком мысли» и истолковывают его как «метаязык, на котором задаются единицы концептуальной системы и/или описываются ментальные репрезентации для значения естественных языковых выражений» [2, с. 99].

Для номинаций человека, оцениваемого по его умственным способностям, в языке существует немалое количество лексических, лексико-фразеологических средств, паремий, прецедентных имен и текстов, которые носят идиоэтнический характер и зависят от культурно-исторических традиций народа. Как правило, все они распределяются по оси с двумя крайне расположенными точками «умный» – «глупый». К примеру, ментальные прилагательные русского языка можно сгруппировать в два антонимических по семантике разряда: а) умный (*головастый, башковитый, крепколобий, мозговитый, мудрый, разумный, смысленный, сообразительный, толковый, умудренный, ушлый*); б) глупый (*безрассудный, безумный, бестолковый, дубоватый, дурной, незаурядный, непонятливый, неразумный, придурковатый, пустоголовый, слабоумный, твердолобий, тупой, чокнутый*). Кроме того, различные проявления ментальности получают формальное выражение во вторичных ЛСВ, образованных от нементальных лексических единиц посредством метафоризации. При образовании вторичных ментальных ЛСВ относительно простые (базовые) представления и физические понятия используются для описания более сложных, абстрагированных элементов интеллекта, мышления и сознания человека [1, с. 37].

Изучение вторичных ментальных номинаций является актуальным по причине продуктивности процесса их образования, необходимости систематизации единиц, которые участвуют в этом процессе, выявления специфики эпидигматических и системно-структурных связей при переходе из одного семантического поля в другое. Механизм образования вторичных ментальных ЛСВ основывается на семантической двухплановости метафоры, соотношении в ее структуре исходного и вторичного ЛСВ: а) исходный ЛСВ (источник мотивации, сфера-источник, сфера-донор); б) вторичный ЛСВ (результативная понятийная сфера, новая концептуальная область, сфера-реципиент, область домена цели). В зависимости от тематической принадлежности первичных ЛСВ выявляется характер их проецирования на ментальные сферы, устанавливаются те или иные сценарии образования вторичных ЛСВ.

В выражении категорий ментальности участвуют наименования зоонимов, артефактов и фитонимов, которые, занимая важное место в системе материальных ценностей любого народа, порождают довольно разнообразные и устойчивые ассоциации. Как правило, подобные ассоциации носят ярко пейоративный характер с указанием таких качеств, как 'глупость', 'бестолковость'. Эти качества явно преобладают в группе ментальных номинаций, что подтверждает известный тезис об асимметрии языковой оценки и более детальной и дифференцированной репрезентации негативных оценок и эмоций, чем позитивных, которые чаще всего воспринимаются как норма и не нуждаются в детализации.

В современных толковых словарях *глупость* объясняется как ограниченность умственных способностей, недостаток ума, несообразительность, тупость и др. Наиболее ярко такие качества выявляются у вторичных номинаций, образованных от исходных ЛСВ наименований животных, так называемых зооморфизмов. Человек, который отождествлялся или сравнивался с животными, наделялся определенными характеристиками поведения, умственных способностей, которые приняты в данном социуме в качестве оценочных образцов-эталонов. Причем, такие образцы-эталоны часто выявляют специфику культурно-этического и социально-исторического развития тех или иных сообществ [4, с. 109]. Ассоциации-сравнения человека с животными относятся к числу самых частотных, справедливо считает Л.Б.Никитина, указывая на результаты анкетирования и иллюстрации типа *глупый, как осел, индюк, медведь, волк, ворона, курица, обезьяна, баран; необразованный, как козел, курица; невежественный, как медведь, гусь, бегемот, слон...* [3, с. 118–119].

В структуре зооморфизмов русского и белорусского языков признак ограниченной ментальности, глупости, умственной отсталости часто сочетается с другими пейоративными характеристиками типа 'упрямство', 'высокомерие', 'ротозейство'. Ср.: рус. *баран, осел, ишак* 'глупый, тупой, упрямый человек', бел. *баран, асёл, ішак* 'тупы, някемлівы, упарты чалавек', рус. *тетерев, тетеря* 'глупый или незадачливый человек', бел. *цяцера* 'някемлівы, няспрытны чалавек, разява'.

В отношении смыслового несовпадения находятся рус. *гусак, индюк* и их белорусские эквиваленты. В белорусском языке анимистические ЛСВ не развились и субстантивы считаются моносемантическими. В русском языке в структуре вторичных ЛСВ актуализируются семы 'глупость', 'заносчивость', 'высокомерие', 'надменность'. Ср.: *индюк* 'глупый, заносчивый, надменный человек', *гусак* 'глупый, высокомерный человек'. Отношения частичного смыслового совпадения наблюдается в русском и белорусском полисемантах *корова* (бел. *карова*). При общей пейоративной коннотации с указанием неуклюжести и полной, тучной фигуры в русском языке, кроме того, указывается ментальный признак: рус. *корова* 'крупное домашнее молочное животное; толстая неуклюжая, а также неумная женщина'.

Вторичные ЛСВ полисеманта *ворона* указывают на непонятливость, несмышленность, рассеянность, невнимательность человека: рус. *ворона* 'птица; рассеянный, невнимательный человек', бел. *варона* 'птушка; нерастаропны, нехлямяжы чалавек',

Широкую сеть вторичных номинаций традиционно представляют названия артефактов. Вторичные пейоративные ЛСВ отмечаются у соотносительных пар русского и белорусского языков *чурбан – цурбан, болван – балван, балда – доўбня*, которые находятся в отношениях смыслового совпадения: рус. *чурбан* 'обрубок дерева, бревна; о бестолковом, глупом человеке', бел. *цурбан* 'кароткае бервяно, абрубак дрэва; пра някемлівага, неразумнага чалавека'; рус. *болван* 'грубо отесанный обрубок дерева, чурбан; о бестолковом, глупом человеке', бел. *балван* 'вылепленая або высечаная з якога-небудзь матэрыялу фігура чалавека; дурань'; *балда* 'тяжелый молот; бестолковый, глупый человек', бел. *доўбня, даўбня* 'вялікая палка з патаўшчэннем на канцы; пра няцямкага, дурнога чалавека'.

Часто эти качества носят синкретический характер в силу дополнительных отсылок на сопутствующие признаки, связанные с высоким ростом человека: рус. *дубина* 'толстая тяжелая палка; о высоком, долговязом человеке; о бестолковом тупом человеке', бел. *дубіна* 'тоўстая, звычайна дубовая палка; тупы, някемлівы чалавек', *даўбешка* 'цяжкае палена з вычасаным дзяржаннем; тупы, някемлівы чалавек; рус. *орясина* 'большая палка, дубина, жердь; человек очень высокого роста, обычно глупый, бестолковый' (бел. *дубіна*).

Отношения смыслового несовпадения наблюдается у рус. *бревно* и его двух белорусских соответствия *бервяно, палена*. В белорусском языке два эквивалента носят нейтральную коннотацию и анимистические ЛСВ у них не развились. В русском языке

вторичные ЛСВ полисеманта *бревно* характеризуется пейоративной окраской 'тупой, глупый или нечуткий человек'.

Глупость человека в ряде случаев связывают с неспособностью хорошо говорить, косноязычием, болтовней, ненужным многословием, что нашло отражение в структуре полисемантов рус. *балаболка* 'украшение; подвеска, висюлька; болтун; пустой человек', бел. *балаболка* 'бразготка, якую чапляюць жывёле на шыю; пра таго, хто хутка, многа і абы што гаворыць'.

В русском языке существительное *балабон* моносемическое и используется для обозначения болтливости человека. В белорусском эквиваленте анимистический ЛСВ *балабон* образован по регулярной метафорической модели «артефакт – человек»: *балабон* 'кругленькі званочак у выглядзе шара; балбатун, пустаслоў'. Указание на человека, который несет бессмыслицу, вздор, содержится у русских субстантивов *трещотка*, *трепло* и их белорусских соответствиях: рус. *трещотка* 'устройство, с помощью которого производится треск, стук, шум; любитель (любительница) поговорить, болтун (болтунья)', бел. *трашчотка* 'прыстасаванне, пры дапамозе якога ўтвараецца трэск, шум; балбатун (балбатуха)'; рус. *трепло* 'трепалка; болтун, пустозвон, трепач', бел. *траплю* 'прылада, пры дапамозе якой трэплюць лён; чалавек, які гаворыць лухту, бязглуздзіцу, многа гаворыць'.

Тождественное смысловое развитие с репрезентацией таких качеств, как изменчивость, непостоянство, резкая смена взглядов, отсутствие собственных убеждений, наблюдается у русских полисемантов *флюгер*, *вертушка*, *марионетка* и их белорусских эквивалентов *флюгер*, *круцёлка*, *марыянетка*: рус. *флюгер* 'пластинка, стрела, флажок, вращающиеся на мачте или шесте; человек, часто меняющий свои взгляды, убеждения', бел. *флюгер* 'рухомае прыстасаванне, якое паказвае кірунак ветру; пра непастаяннага чалавека, які хутка мяняе свае погляды і перакананні'; рус. *вертушка* 'разного рода вращающиеся предметы и инструменты; легкомысленный, непостоянный, ветреный человек (преимущественно о женщине)', бел. *круцёлка* 'прадмет ці прыстасаванне, якія круцяцца; легкадумны, ветраны чалавек (пераважна пра жанчыну)'; рус. *марионетка* 'театральная кукла, управляемая сверху посредством нитей или металлического прута актером-кукловодом; человек, слепо действующие по воле других', бел. *марыянетка* 'тэатральная лялька; чалавек, які слепа дзейнічае па ўказцы, па волі іншых'. К этой же группе примыкает существительное *пустышка*, в котором внимание акцентируется на легкомысленности, ветрености, несерьезности человека: рус. *пустышка* 'всякий полый, пустой предмет; пустой, легкомысленный человек', бел. *пустышка* 'гумавае соска для груднога дзіцяці; пусты, легкадумны чалавек'.

Наименования головных уборов в их вторичной анимистической функции представлены русскими субстантивами *колпак* и *шляпа*. Ср.: рус. *колпак* 'головной убор остроконечной формы; простодушный, недалекий человек', *шляпа* 'мужской или женский головной убор; вялый, неэнергичный, ненаходчивый человек'. В белорусском языке существительное *шляпа* является моносемантическим и употребляется в исходном ментальном значении 'нерашучы, незнаходлівы, неэнергічны чалавек'. У бел. *каўпак* анимистические ЛСВ не выявлены.

Для номинации глупого человека используется «обувная» метафора: рус. *лапоть*; 'о невежественном, отсталом человеке', бел. *лапаць* 'пра адсталлага некультурнага чалавека'; рус. *сапог* 'о сером, некультурном человеке, о человеке невежественном, ничего не понимающем в чем-либо' (в бел. *бот* вторичные ЛСВ не отмечаются).

В качестве истоков вторичных анимистических ЛСВ могут выступать фитонимические номинации. Классическим примером этого служит субстантив *дуб*, являющийся в языковой картине не только символом крепости, мощи, но и тупости, глупости. Ср.: рус. *дуб* 'крупное листовое дерево; о нечутком, тупом человеке', бел. *дуб* 'лісцевае дрэва; высокі, моцны чалавек; тупы, неразумны чалавек'. Как видно из примеров, в белорусском языке употребляются энантиосемические ЛСВ, акцентирующие

внимание в одном случае на высокий рост и силу, мощь человека, во втором случае – на умственную ограниченность человека. Фитонимический код используется при образовании вторичного ЛСВ у русского субстантива *лопух* ‘травянистое сорное растение; простоватый, несообразительный человек’. В белорусском языке это слово употребляется в первичном персонифицированном значении.

В смысловой структуре полисеманта *пень* вторичные ЛСВ образованы в результате актуализации признаков ‘негодность’, ‘трухлявость’, ‘ветхость’: рус. *пень* ‘оставшаяся на корню часть ствола спиленного, срубленного или сломанного дерева; глупый или бесчувственный человек’, бел. *пень* ‘ніжня частка ствала з каранямі; ствол дрэва; бесталковы, абьякавы да ўсяго чалавек’.

Отдельные названия пищи используются для характеристики слабовольного, нерешительного человека: рус. *кисель* ‘студенистое кушанье, сваренное из ягодного или фруктового сока или молока; вялый, слабовольный человек’, бел. *кісель* ‘кіслая студзяністая страва; вялы, слабавольны чалавек’; рус. *размазня* ‘жидкая каша; вялый, нерешительный человек’, бел. *размазня* ‘рэдка каша; нерашучы, слабавольны чалавек’. Такие качества, как безвольность, беспомощность, глупость, фиксируются в структуре вторичного ЛСВ рус. *телятина* ‘мясо телянка как пища; глупый или безвольный, беспомощный человек’. В белорусском языке слово *цяляціна* является моносемантическим.

В содержательный минимум концепта «ум» включаются такие компоненты, как высокая способность думать и понимать, талант, интеллектуальность, умственные навыки, благоразумие, мудрость, сообразительность, остроумие, хитрость и др. Вторичные номинации для выражения таких компонентов практически не используются (языку достаточно прямых непосредственных ментальных номинаций). Как исключение из правила можно привести единичные слова со значением мудрости, хитрости (лукавства, притворства, плутовства), которые выявляются в структуре полисемантов рус. *лиса*, *лисица* ‘хищное млекопитающее животное; хитрый, льстивый человек’, бел. *ліса*, *ліс*, *лісіца* ‘драпежная млекакормячая жывёліна; хітры, ліслівы чалавек’.

Таким образом, оппозиция «умный – глупый» в структуре вторичных субстантивных номинаций носит явно асимметрический характер с превалированием пейоративных оценок. Практически все проанализированные лексические единицы относятся к сфере ограниченной ментальности. В русском и белорусском языках чаще всего наблюдается семантическая тождественность между соотносимыми лексическими единицами (*баран*, *осел*, *ишак*, *тетерев*, *ворона*, *чурбан*, *болван*, *балда*, *балаболка*, *трещотка*, *трепло*, *флюгер*, *вертушка*, *марионетка*, *пустышка*, *пень*, *кисель*, *размазня*). В отношениях смыслового несовпадения (межъязыковой лакунарности), когда в белорусском языке слово является моносемантическим и не выражает анимистических ЛСВ, а в русском языке слово относится к числу полисемантических с фиксацией персонифицированных ЛСВ, находятся русские субстантивы *гусак*, *индюк*, *каўпак*, *бервяно*, *палена*, *бот*, *лопух*, *цяляціна*. Наблюдаются случаи, когда в одном из языков (рус. *балабон*, бел. *шыляпа*) моносемантическая лексическая единица используется в исходном ментальном значении, а ее эквивалент в другом языке является полисемантическим с фиксацией вторичного ментального ЛСВ. При общей пейоративной коннотации в русском языке, кроме того, могут указываться дополнительные признаки (*корова*, *дубина*, *орясина*). Смысловая структура бел. *дуб* более разветвленная и, в отличие от русского языка, включает полярные энантиосемические ЛСВ.

Литература

1. Дебердеева, Е.Е. Концептуальная метафора как средство раскрытия механизмов понимания в русской и английской лингвокультурах / Е.Е.Дебердеева // Разноуровневые черты языковых и речевых явлений. – Пятигорск, 2010.– Вып. XX. – С.36-40.
2. Демьянков, В.З. Ментальный язык / В.З.Демьянков // Краткий словарь когнитивных терминов. – Москва: МГУ, 1996. – С. 99-101.

3. Никитина, Л.Б. Категориальные семантические черты образа homo sapiens в русской языковой картине мира / Л.Б. Никитина. –Омск: Изд-во ОмГПУ, 2004. –148с.
4. Старычонак, В. Д. Метафара ў беларускай мове: на матэрыяле субстантываў / В.Д. Старычонак. — Мінск: БДПУ, 2007.–190 с.

1.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ